

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.11

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НА МИКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ: ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Жапуев Заур Аскербиевич

Доктор социологических наук, преподаватель
Кабардино-Балкарского государственного
университета имени Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия,
e-mail: profkbsu@mail.ru

Люев Азамат Хасейнович

кандидат социологических наук, преподава-
тель Кабардино-Балкарского государственно-
го университета имени Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия
e-mail: ikbgu@mail.ru

Пантелеев Вадим Геннадьевич

Младший научный сотрудник,
Южнороссийский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: pwg92@mail.ru

SOCIAL AGENCY AT THE MICROSOCIAL LEVEL: THE FACTOR OF ETHNIC IDENTITY

Zaur A. Zhapuev

Doctor of Sociological Sciences, Lecturer,
Berbekov Kabardino-Balkarian State
University,
Nalchik, Russia,
e-mail: profkbsu@mail.ru

Azamat Kh. Luyev

Candidate of Sociological Sciences, Lecturer,
Berbekov Kabardino-Balkarian State Univer-
sity,
Nalchik, Russia,
e-mail: ikbgu@mail.ru

Vadim G. Panteleev

Assistant Scientist,
South Russian Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: pwg92@mail.ru

В статье рассматривается связь между уровнем социальной субъектности и уровнем этнической идентичности. Выявлены этнические группы, в которых этногрупповая идентичность может функционировать в качестве фактора. Рассмотрены зависимости между уровнем этногрупповой идентичности и уровнем социальной субъектности в сферах: брачно-семейной, образовательной, карьерно-профессиональной, управления ЖКХ. Определено, что фактор этнической идентичности влияет не на уровень социальной субъектности, а на выбор приоритетных жизненных сфер, в которых ее необходимо проявлять.

Ключевые слова: социальная субъектность; этнические группы; этногрупповая идентичность; микросоциальный уровень; Юг России.

The article discusses the relationship between the level of social agency and the level of ethnic identity. Ethnic groups in which ethnic group identity can function as a factor are revealed. Relationships between the level of ethno-group identity and the level of social agency are considered in several spheres: marriage and family, educational, career-professional, housing and communal services management. It is found out that the factor of ethnic identity does not affect the level of social agency, but the choice of priority life areas in which it must be manifested.

Keywords: social agency; ethnic groups; ethnic group identity; micro social level; South of Russia.

Введение

Современное состояние российского общества таково, что оно нуждается в переменах. Необходимость перемен диктует не только субъективное мнение, распространенное в массовом сознании (Горшков, 2018. С. 14), но и объективные причины, которые выражаются в том, что нынешняя модель социально-политического и социально-экономического устройства общества исчерпала ресурс собственной консервации. Факты, которые говорят об этом: экономический кризис, который негативным образом отражается на уровне как индивидуальной социальной реальности, так и групповой и общественной (Лежнина, 2016); экономический кризис в первую очередь деструктивно воздействует на средние и нижние слои населения, усиливая степень социального расслоения в обществе, в связи с чем необходима соответствующая социальная политика (Малышева, 2015); социальная политика, в свою очередь, носит противоречивый характер и малоэффективна в нивелировании эффектов социального неравенства (Данилова, 2018. С. 55); уменьшение возможностей влечет за собой понижение статуса больших групп людей и ограничение каналов социальной мобильности (Посухова, 2015. С. 97; Лубский, Посухова, 2016).

Для российского общества такие условия порождают ситуацию социальной нестабильности и социальной неопределенности (Волков, Лубский, 2018. С. 239). Соответственно, такие условия требуют не просто

проводников позитивных реформ, ими не могут быть лишь акторы, принимающие решения. Необходима большая степень распространенности определенного рода качества во всех слоях российского общества. Речь идет о социальной субъектности. Социальная субъектность как качество, характеризующее деятельность акторов в рамках социальных отношений, означает, что индивид осознает себя источником собственной деятельности (Иванкина, 2014. С. 17). Только при высокой степени распространенности социальной субъектности возможны конструктивные перемены и в России в целом, и в регионах. Позитивный результат возможен только при комбинации субъектности микро- и макроуровней.

Так, на микроуровне, в простых социальных системах, действует принцип присутствия и непосредственной данности для восприятий участников (Luhmann, 1972. S. 52–54). Следовательно, присутствие социальной субъектности в плане осуществления перемен на микроуровне необходимо, но в настоящий момент, по исследованиям ФНИСЦ РАН (Горшков, 2018. С. 6), одна треть респондентов полагают, что в стране ничего не изменится, а другая треть – что страну ждут трудные времена. Неверие в возможность позитивных изменений на макроуровне неизбежно влияет на веру в позитивные изменения на микроуровне. Если большинство членов микросообществ будут обладать необходимым уровнем социальной субъектности, то осуществление преобразований на макроуровне будет находить благодатную почву для осуществления. Однако социальная субъектность должна находить выход в пространство социально-политическое, что представляется проблематичным в условиях кризиса институтов участия граждан в политической жизни страны (Петухов, 2015).

Стало быть, одной из задач социологии в этом русле является фиксация актуального уровня социальной субъектности в российском обществе в целом и, ввиду фиксируемого учеными высокого уровня региональных отличий (Горшков, 2018), в региональных сообществах в частности. Такой региональной системой является Юг России, в котором также наблюдается пестрый этнический состав (Дятлов, 2017. С. 171). В свою очередь, если уровень социальной субъектности зависит от уровня этнической идентичности, то социальная субъектность, наряду с низким уровнем доверия к индивидам с иной этнической принадлежности, занятостью индивида (Мастикова, 2017. С. 109–110), может стать фактором межэтнической напряженности.

Обзор научной литературы

В рамках социально-лингвистических зарубежных исследований изучались аспекты употребления в речи безличных конструкций и их

влияние на взаимодействие между участниками речевой коммуникации, а также возможности подобных конструкций в управлении социальной субъектностью (Rossi, 2016. P. e296–e325). Предметом исследования стали вопросительные конструкции с возможностью полярных ответов типа «да/нет» либо ответа, повторяющего вопросительную конструкцию в утвердительном ключе. В последнем случае проявляется социальная субъектность отвечающего (Enfield, 2015).

В области социальной психологии можно выделить исследования, предметом изучения которых стали взаимодействие между пользователями компьютерных онлайн-игр, роли аватара (юзерпика) и зависимость между аватаром и социальной субъектностью его владельца (Banks, 2018).

В собственно социологических исследованиях явления социальная субъектность изучалась в поле повседневных практик на индивидуальном уровне с акцентом на роли опривычивания в закреплении субъектных практик (Jokinen, 2015. P. 85–99). В русле специальных исследований организаций рассматривались религиозные нарративы членов организаций, их влияние на формирование социальной субъектности в организации (Creed, 2014. P. 111–156). Существуют работы, в которых критически осмысливается понятие субъектности, прослеживается эволюция в его понимании в социальных науках, а также формулируется содержание социальной субъектности в ракурсе профессий (Eteläpelto, 2013. P. 45–65). Также изучалось взаимосвязь между уважением и социальной субъектностью в повседневных взаимодействиях (Schirmer, 2013. P. 57–75). Наконец, имеются исследования лидерства как явления, неразрывно связанного с проявлением социальной субъектности; однако при этом приводится научная аргументация необходимости проявления субъектности не только лидером, но и коллективом, в котором он занимает лидерскую позицию (Raelin, 2014. P. 131–158).

В отечественной научной литературе следует выделить социологические исследования, посвященные социальной субъектности политических элит. Здесь рассматривались внешние и внутренние факторы (по отношению к представителям политических элит) оформления социальной субъектности (Имгрунт, 2013; Лубский, 2007).

Следует выделить ряд исследований, посвященных различным аспектам социальной субъектности российских финансистов (Волков, 2015a). Здесь также следует выделить изучение социальной субъектности финансистов в условиях перемен в ориентирах финансовой деятельности (Волков, 2015b).

В российской научной литературе следует выделить корпус исследований, затрагивающий различные аспекты социальной субъектности молодежи. Так, существуют исследования, рассматривающие социальную субъектность как базис формирования самоорганизации студенческой молодежи, взаимосвязи между социальной субъектностью и самоорганизацией (Баженова, 2014. С. 176–183). Изучалась роль социальной субъектности при определении молодежью собственного профессионального выбора и направления проявления социальной субъектности в этом процессе (Алиев, 2016. С. 18–22). Научному изучению подвергалась риски при оформлении социальной субъектности у подростков, которые могут привести к следованию девиантным поведенческим линиям (Смирнова, 2017. С. 117–122). Исследовались федеральные образовательные стандарты на предмет их направленности на формирование социальной субъектности учащейся молодежи (Алиев, 2015b. С. 103–107).

Отдельно необходимо выделить работы, рассматривающие методологические вопросы изучения социальной субъектности. Во-первых, рассмотрены методологические проблемы, связанные с тем, как классические и современные подходы определяют место социальной субъектности в социализации молодежи и особенности ее формирования в этом процессе (Руденкин, 2017. С. 70–74; Клименко, Мосиенко, ... 2018). Во-вторых, определены факторы, обуславливающие социальную субъектность. С одной стороны, это факторы, которые исходят из социальной среды, с другой – факторы, исходящие из индивидуально-личностного мира носителей субъектности (Алиев, 2015a).

Таким образом, можно заключить, что, во-первых, социальная субъектность нашла свое институциональное закрепление в качестве предмета научных исследований, чему свидетельствует объем публикаций на данную тему. Во-вторых, в зарубежных научных исследованиях данной теме уделялось внимание в ракурсе повседневных взаимодействий и микроуровня социальной действительности. В-третьих, в отечественных исследованиях преобладает фокус на изучении социальной субъектности конкретных социальных групп.

Как видно, зависимость между степенью значимости этнической идентичности и уровнем социальной субъектности еще не попадала в научно-исследовательский объектив (вряд ли таковым можно считать очевидный идеологический памфлет в отношении исследований иммиграции (Treitler, 2015)).

Методология, методы и эмпирические данные

В жизненном мире, пожалуй, каждого индивида наблюдается несколько уровней социальной реальности, различным образом взаимодействуя между собой и оказывая влияние на индивидуально-личностную линию деятельности и поведения (Лубский, 2019. С. 123–158). Это означает, что и сам индивид способен конструировать социальную реальность, но он ограничен некоторыми рамками, правилами, который действуют в тех полях, над которыми индивид, не занимая соответствующей позиции, не властен.

Следовательно, возможны и различные уровни, на которых индивиды могут проявлять социальную субъектность. Проявление субъектности можно связать с активностью, которую реально индивид проявляет. Но активность не всегда означает наличие высокой степени субъектности, ведь установка на активность может не исходить из самостоятельности индивида, а быть исключительно навязанной. Таким образом, под субъектностью мы понимаем не просто проявление активности, но такое проявление, источником которого является собственно решение индивида. Стало быть, социальная субъектность тесно связана с рациональными структурами индивида. Отсюда следует, что выявить уровень социальной субъектности можно посредством оценок гипотетических линий активности различных жизненных сфер.

Однако эти оценки могут быть высказаны как минимум в двух различных аспектах. С одной стороны, это аспект, значимый для общества в целом или какой-либо социальной группы. Скажем, если это общество в целом, то это могут быть оценки относительно желаемого уровня регулирования государством той или иной сферы. Соответственно, чем менее индивиды склонны к принятию большой роли государства в регулировании тех или иных сфер, тем выше их уровень социальной субъектности. Однако претворение таких установок в жизнь связано с возможностями политического участия, которые в нынешней политической системе России ограничены.

С другой стороны, на микросоциальном уровне расстояние между оценками и реальными практиками гораздо меньше. Вследствие того, что позитивно оцениваемая практика находится в пределах доступности для осуществления. Разумеется, и здесь могут быть препятствия для реализации интенций, а значит, и проявить социальную субъектность. С другой стороны, практики этого уровня гораздо ближе индивиду для понимания и оценки, нежели практики, которые касаются всего общества. Таким об-

разом, социальная субъектность рассматривается в рамках конструктивного реализма (Волков, Лубский, 2018. С. 3–12).

Однако мы рассматриваем связь уровня социальной субъектности в пространстве этничности. Конечно, можно рассмотреть подобную привязку по отношению к конкретным этническим группам. Однако такая позиция приведет к рассмотрению спецификаций субъектности отдельных этносов. Это плодотворно, если бы основная задача заключалась в выявлении общего и особенного среди различных этнических групп. Нам важна общая связь между этнической принадлежностью, поэтому мы будем опираться на степень принятия этнической идентичности.

Итак, индикаторами, которые выявляют уровень социальной субъектности на микроуровне, являются вопросы, касающиеся брачно-семейных отношений (приоритет в выборе партнера за индивидом или за родителями); образовательных траекторий (приоритет за получением знаний индивидом или транслированием знаний педагогом); профессионально-карьерных траекторий (приоритет за инициативностью индивида или не связанными с его активностью аспектами); траекторий в сфере жилищно-коммунального хозяйства (приоритет в управлении за жильцами или за внешней специализированной организацией); общих интенций проявления инициативности (соответственно, приоритет за предприимчивостью или традиционным действием). Для того чтобы получить доступ к этническому разрезу распределения указанных индикаторов, распределим по уровню идентификации индивидов с собственной этнической группой.

В качестве эмпирической базы в статье используются данные, полученные коллективом Южнороссийского филиала Федерального социологического центра РАН посредством массового анкетирования в мае-июне 2018 г. в рамках исследования «Социальная инерционность в смыслах и практиках повседневной жизни населения регионов Юга России». Опрос проводился в пяти регионах Юга России: Ростовской области, Республике Адыгее, Республике Крым, Ставропольском крае, Кабардино-Балкарской Республике. Выборочная совокупность составила 2256 чел. Структура выборочной совокупности позволяет делать статистически обоснованные заключения. Этнический состав выборочной совокупности следующий: русские – 66,5 %; армяне – 9,1; украинцы – 6,5; адыгейцы – 4,5; крымские татары – 4; кабардинцы – 3,2; балкарцы – 1,6; татары – 1,3; азербайджанцы – 0,5; даргинцы – 0,4 %.

Итак, цель данной статьи – выявление уровня социальной субъектности в регионах Юга России в этническом разрезе. Для достижения этой цели, во-первых, выделим этнические группы по уровню групповой этнической идентичности; во-вторых, установим траектории индивидуально-личностной активности в сфере брачно-семейной, образовательной, профессионально-карьерной, управления ЖКХ, интенции на инициативность, соотнеся эти параметры с уровнем групповой этнической идентичности.

Значимость этнической идентичности и этнической принадлежности

Степень распространенности какой-либо черты по какому-либо признаку требует знания распространенности этого признака, в особенности когда этот признак связан с некоторыми другими, общим основанием. Итак, простой факт этнической принадлежности может не дать нам четкой зависимости, поскольку собственная этническая идентичность может не представлять значимости для ее носителя (Конструирование, 2016). Поэтому необходимо обратиться к соответствующим оценкам (табл. 1).

Таблица 1

Оценка респондентами значимости групповой этнической идентичности

Вариант ответа	%
В значительной степени	49,5
В небольшой степени	34,4
Не ощущаю близости	16,1
Всего	100

Значительную степень близости к собственной этнической общности констатируют 49,5 % респондентов; небольшую степень близости – 34,4; не ощущают близости – 16,1 % респондентов. Таким образом, мы можем заключить, что для половины жителей Юга России характерно осознание высокой степени близости к собственной этнической группе. Каждый третий осознает слабую степень связи с собственной этнической группой. Меньшинство не ощущает никакой связи.

Следовательно, для большей части жителей Юга России характерно, что в их сознательных структурах принадлежность к собственной этнической группе занимает важное место. Поскольку со-

циальная субъектность неразрывно связана с сознательными структурами (целеполагание является важным аспектом, поскольку без оно и проявление субъектности превращается в простую активность), то и параллельное наличие в этих структурах этничности хоть и косвенно, но указывает на возможную связь между этими явлениями.

Очевидным образом необходимо соотнести уровень сознательного признания значимости этнической группы и этнической принадлежности респондентов. Это позволит выяснить, для каких этнических групп высокую степень признания близости этно-групповых идентификаций можно полагать в качестве фактора, влияющего на уровень социальной субъектности (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка значимости групповой этнической идентичности
(по этнической принадлежности респондентов), %**

Этнос	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости
Адыгейцы	86,0	4,0	10,0
Азербайджанцы	66,7	16,7	16,7
Армяне	60,4	33,3	6,3
Балкарцы	62,5	31,3	6,3
Даргинцы	100,0	0,0	0,0
Кабардинцы	66,7	25,0	8,3
Крымские татары	77,3	20,5	2,3
Русские	42,7	37,4	19,9
Татары	50,0	28,6	21,4
Украинцы	45,8	43,1	11,1

Распределение ответов позволяет выделить три группы этносов. В первой группе – адыгейцы, даргинцы, крымские татары. В этой группе наблюдаются высокие оценки степени близости к собственной этнической группе. К первой примыкает группа с достаточно высокой степенью принятия групповых этнических идентификаций – азербайджанцы, армяне, балкарцы, кабардинцы. В этих случаях, во-первых, может действовать фактор малого народа, при котором группа, в которой воспроизводится этническая идентичность, не очень большая, с одной стороны, и находится в пространстве другой культуры – с другой. Таким образом работает фактор необходимости сохранения собственного отличия. Во-

вторых, это наличие у некоторых этносов собственных протогосударственных образований в пределах России, что позволяет не только воспроизводить идентичность на традиционном уровне непосредственного взаимодействия членов сообщества, но и использовать соответствующие институты. В-третьих, фактором сохранения групповой этнической идентичности являются диаспоры, в которых работает механизм противодействия ассимиляции принимающей стороны (Тощенко, 1996).

В третью группу входят представители этносов с распределениями от 50 % и ниже – русские, татары, украинцы. В случае этнического большинства такие показатели могут быть связаны с разнообразными факторами. В качестве одного из них называется фактор большого народа, у которого есть прочные основания собственного существования как этнической группы, а значит, и манифестирование этнической идентичности для него имеет такое же значение, как и для малого народа. Однако, с другой стороны, исследователи указывают на кризис русской идентичности, который отчасти связан с национальной политикой, проводимой в Советском Союзе, отчасти с современной национальной политикой, во многом наследующей советские образцы (Неменский, 2016). Украинцы, живущие на Юге России, с одной стороны, подвержены культурному влиянию русского этнического большинства, зачастую ассимилируясь, с другой – после событий 2014 г. на Украине испытывают кризис идентичности (Бедрик, 2017). Относительно татар можно отметить то, что они в нашем случае живут за пределами Татарстана, где, вероятно, эти показатели были бы выше.

Таким образом, среди этнических групп респондентов были выделены те, в которых вероятность функционирования этнической идентичности в качестве фактора деятельности обладает разной степенью. Соответственно, среди респондентов, которые признают высокую степень близости к собственной этнической группе, вероятнее, что фактор этнической идентичности будет обладать влиянием, чем у респондентов, оценивающих близость к собственной этнической группе как небольшую или не ощущающих таковой близости вообще. Соответственно, этот фактор обладает наибольшим эффектом влияния в первой группе этносов; во второй и третьей влияние фактора будет меньше.

Социальная субъектность и этническая идентичность

Очертив группы с разной степенью принятия этнической, а в пределах этих групп степень влияния фактора этнической группо-

вой идентичности, обратимся к выявлению зависимости уровня социальной субъектности от степени принятия собственной этнической группы. Обратимся к первому индикатору (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень одобрения стратегии выбора брачного партнера
«собственный выбор», %**

Уровень этногрупповой идентичности	Приемлемо	Скорее приемлемо	Скорее не приемлемо	Не приемлемо
В значительной степени	75,8	15,8	3,0	3,4
В небольшой степени	75,0	13,9	5,2	4,6
Не ощущаю близости	71,0	14,8	10,1	1,8

Среди тех, кто ощущает значительную степень близости к собственной этнической группе, в брачно-семейной сфере одобряют стратегию собственного выбора 75,8 %, небольшую степень – 75, среди тех, кто не ощущает близости, – 71 %.

Заметно, что уровень однозначного одобрения высок во всех трех категориях оценок близости к собственной этнической группе, он превышает 70 %. По всей видимости, традиционные установки значимости родительского одобрения при выборе брачного партнера подвергаются значительному размыванию под воздействием размывания прежнего образа брачно-семейных отношений. Также трансформируются этничность и связанные с ней брачно-семейные установки. Сегодня быть представителем этноса, осознавать себя его частью, ратовать за сохранение собственной этноидентичности не всегда означает следовать нормам, которые бытовали в традиционных обществах.

При этом специфика между различными уровнями признания близости собственной идентичности варьируется следующим образом: чем выше уровень близости к собственной этнической группе, тем выше уровень одобрения стратегии собственного выбора. Разница между крайними оценками почти в пять пунктов достаточно весома, чтобы ее учитывать.

Вопросом о том, согласны ли респонденты с суждением «педагог – источник знаний для учащихся», выявлялась, хотя и несколько косвенно, позиция обучающегося в образовательном процессе. Так как

если педагог – источник знаний, то обучающийся всего лишь реципиент, т. е. он занимает пассивную позицию, следовательно, лишенную субъектности. Теперь обратимся к соответствующему распределению ответов на данный вопрос (табл. 4).

Таблица 4

**Уровень принятия определения педагога
в качестве источника знаний, %**

Уровень этногрупповой идентичности	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
В значительной степени	68,7	21,5	3,7	5,0
В небольшой степени	61,7	28,7	6,2	1,6
Не ощущаю близости	50,0	44,9	4,0	1,1

Распределение оценок однозначного согласия с предложенным суждением следующее: респонденты, ощущающие высокую степень близости к собственной этнической группе, – 68,7 %; небольшую степень – 61,7; не ощущающие близости – 50 %.

Таким образом, можно заметить, что, несмотря на информационный век и тот факт, что источником знаний для обучающегося могут быть не только носители информации (книги, Интернет), включая педагога, но собственно сам обучающийся, установки информационно-знаниевой образовательной парадигмы остаются глубокого укорененными в сознании людей. Вероятно, это также является веским фактором того, что познавательно-развивающая парадигма образования дает довольно ограниченные плоды. Индивиды, сталкиваясь с тем, что они не укладываются в рамки их представлений, внутренне отвергают такой подход. Причем, вероятно, и не все педагогические кадры обладают методологическим сознанием, которое соответствовало бы познавательно-развивающей парадигме (хотя ученые и говорят о необходимости перехода (Герасимов, 2014)).

Итак, при рассмотрении оценок абсолютного согласия с предложенным суждением обнаруживается следующая зависимость: чем ниже уровень признания близости по отношению к собственной этнической группе, тем меньше респондентов высказывает абсолютное согласие с суждением. Таким образом, высокий уровень этнической идентичности, вероятно, не способствует проявлению субъектности.

Возможно, что это связано с необходимостью сохранения исторической памяти об этносе и воспроизведения его традиций, что во многом предполагает реципиентное получение знания.

Далее обратимся к такой сфере микросоциальной среды, как профессионально-карьерная. Респондентам задавался вопрос о том, какой фактор более всего способствует карьерному продвижению. Уровень социальной субъектности здесь фиксируется ответом «амбициозность, инициативность», так как этот вариант лучше всего согласуется с условием субъектности – активностью, творцом которой является сам индивид. Что касается непрерывного профессионального самосовершенствования, то его необходимость может диктоваться условиями нахождения в профессии, а не интенциями индивида. Обратимся к распределению (табл. 5).

Таблица 5

**Факторы карьерного роста, по мнению респондентов,
% (представлены наиболее распространенные ответы)**

Вариант ответа	Уровень этногрупповой идентичности		
	в значительной степени	в небольшой степени	не ощущаю близости
Непрерывное профессиональное самосовершенствование	22,8	21,5	24,4
Амбициозность, инициативность	20,6	19,7	22,4
Высокая работоспособность	24,8	25,7	25,9
Получение дополнительного образования	9,5	7,7	5,2
Наличие личных связей	10,5	15,7	12,4

Среди респондентов с высоким уровнем этногрупповой идентичности выбрали в качестве фактора карьерного роста амбициозность, инициативность 20,6 %; с низким уровнем – 19,7; среди тех, кто не ощущает никакой близости к собственной этнической группе, – 24,4 %.

Видно, что самый субъектный фактор карьерного роста, с одной стороны, занимает не такую уж большую долю среди прочих факторов, выбранных респондентами. Здесь лидирует позиция «высокая работоспособность», которая может не являться признаком высокого

уровня субъектности («я много работаю, потому что мне это нечто сулит» или «я много работаю, потому что я могу»). Позиция «непрерывное профессиональное образование», как уже отмечалось выше, также может быть явлением, проистекающим из различных источников влияния (среда, внешние требования). Таким образом, чисто субъектный подход в достижении карьерного роста является хотя и весомым, по мнению респондентов, но не главным.

С другой стороны, в группе респондентов, которая не ощущает близости к собственной этнической группе, субъектный фактор карьерной мобильности выбирали чаще, чем в группах, для которых этногрупповая идентичность в той или иной степени близка. Следовательно, в этом аспекте высокая степень этногрупповой идентификации играет меньшую роль в оформлении социальной субъектности.

Наконец, обратимся к последней сфере, в которой индивид вполне проявляет субъектность, – это сфера ЖКХ (табл. 6).

Таблица 6

Мнение относительно приоритетных акторов в управлении ЖКХ, %

Вариант ответа	Уровень этногрупповой идентичности		
	в значительной степени	в небольшой степени	не ощущаю близости
Управляющая компания	15,6	18,9	21,0
Жильцы дома, организуя ТСЖ	24,8	25,1	18,8
И управляющая компания, и жильцы	22,2	17,5	25,0
Государство	24,8	26,7	27,8

Индикатором субъектности здесь является ответ «жильцы дома, организуя ТСЖ». Среди респондентов с высоким уровнем этногрупповой идентичности – 24,8 %; среди респондентов с низким уровнем этногрупповой идентичности – 25,1; среди респондентов, не ощущающих близости к собственной этнической группе, – 18,8 %.

В оценках данной сферы заметно, что в группах с меньшей степенью этногрупповых идентификаций наблюдается меньший процент тех, кто желал бы видеть ТСЖ в качестве управляющего органа ЖКХ, чем в группах с высокой степенью этногрупповой идентичности. Возможно, подобное распределение связано с тем, что высокая степень осознания причастности к собственной этнической группе, которая го-

раздо ближе, чем общероссийская идентичность, формирует установки на желательность взаимодействия с индивидами, которые ближе как в территориальном отношении, так и по частоте контактов. Соседи отвечают такой установке гораздо больше, чем некая управляющая компания с неизвестными людьми.

В то же время мнения относительно работы различных структур, касающихся управления сферой ЖКХ, во многом зависят от индивидуального опыта. Этот индивидуальный опыт чаще носит устойчивый характер, так люди живут в одном и том же доме на протяжении многих лет, даже если речь идет об аренде жилой площади.

В заключение обратимся к контрольному вопросу, который апеллирует к рациональной оценке приоритета субъектности либо приоритета традиционности (табл. 7).

Таблица 7

**Мнение респондентов относительно приоритетных
линий поведения, %**

Вариант ответа	Уровень этногрупповой идентичности		
	в значительной степени	в небольшой степени	не ощущаю близости
Инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе, жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	69,0	75,5	78,0
Уважение сложившихся традиций, обычаев	31,0	24,5	22,0

Итак, субъектную позицию («инициатива, предприимчивость...») в группе с высокой степенью этногрупповой идентичности выбрали 69 %; в группе с низким уровнем этногрупповой идентичности – 75,5; не ощущающих близость к собственной этнической группе – 78 %.

В данном случае мы наблюдаем довольно большой разрыв между полярными оценками близости к собственным этническим группам. С одной стороны, уровень ориентированности на проявление социальной субъектности как общей сознательной жизненной установки высок во всех трех случаях. Но наивысший уровень такой ориентированности наблюдается среди респондентов, которые не ощущают близости к собственной этнической группе.

Заключение

Во-первых, были выделены этнические группы, в которых наблюдается высокая степень распространенности этногрупповой идентичности и в которых эта степень ниже. В первых группах этническая идентичность является важным фактором, во вторых – фактором второстепенным, или имеющим большое значение.

Во-вторых, было выявлено, что по индикаторам, отражающим уровень социальной субъектности в микросоциальном аспекте, между группами с высокой степенью этногрупповой идентичности и группами с низкой степенью наблюдается паритет. В двух случаях (брачно-семейная сфера, управление ЖКХ) наблюдается зависимость роста социальной субъектности от высокого уровня этногрупповой идентичности, в двух других (образовательная, карьерно-профессиональная сферы) – наоборот. Вместе с тем уровень общих субъектных установок выше в группе, которая не ощущает связи с собственной этнической группой.

В-третьих, состояние социальной субъектности как в этническом аспекте, так и вне него характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. В частности, такая разница в проявлении субъектности в различных сферах может объясняться тем, что наличие высокой степени этногрупповой идентичности является фактором определения приоритетных жизненных сфер, в которых необходимо проявлять социальную субъектность. Однако однозначной зависимости между уровнем этногрупповой идентичности и уровнем социальной субъектности не наблюдается.

Литература

Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 152–161.

Алиев В.В. Социальная субъектность молодежи в выборе профессии // Высшее образование для XXI века: доклады и материалы XIII Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 декабря 2016 г.): в 2 ч. Секция 2: Социология образования / отв. ред. Н.А. Селиверстова. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2016. Ч. 1. С. 18–22.

Алиев В.В. Формирование социальной субъектности студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 103–107.

Баженова Н.Г. Социальная субъектность как основа развития самоорганизационных процессов в студенческой среде

References

Aliyev, V.V. (2015). Basics of the study of the social agency of young people. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 152-161. (in Russian).

Aliyev, V.V. (2016). Social agency of young people in choosing a profession. *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka*. Proceedings of the XIII International Scientific Conference (Moscow, December 8-10, 2016). Sektsiya 2. Sotsiologiya obrazovaniya. In N.A. Seliverstova (Ed.). Moscow: Mosk. gum. un-ta publ., 1, 18-22. (in Russian).

Aliyev, V.V. (2015). Formation of social agency of student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, 2, 103-107. (in Russian).

Bazhenova, N.G. (2014). Social agency as a basis for the development of self-organization processes in the student environment of the uni-

вуза // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 176–183.

Бедрик А.В. Украинская община Юга России: проблемы институционального и неинституционального воспроизводства // Государственно-гражданская идентичность и укрепление единства многонационального народа Российской Федерации: электр. сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции «Государственно-гражданская идентичность и укрепление единства многонационального народа Российской Федерации» (14–19 мая 2017 г., ст. Вешенская Ростовской области) / отв. ред. Ю.Г. Волков; сост. В.О. Вагина, В.П. Войтенко, Ю.С. Панфилова. Ростов н/Д., 2017. С. 125–132.

Волков Ю.Ю. Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное измерения / под ред. Г.Г. Силласте. М. : РУСАЙНС, 2015. 264 с.

Волков Ю.Ю., Луговая Е.С. Социальная субъектность российских финансистов / отв. ред. И.А. Гуськов. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. 203 с.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология как способ самопознания общества // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 3–12.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография. В 2 кн. Кн. 1 Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2018. 278 с.

Герасимов Г.И. Образовательный ландшафт познавательно-развивающей парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 161–167.

Горшков М.К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 6–33.

Горшков М.К., Аникин В.А., Дробизьева Л.М., Коленникова Н.Д., Латов Ю.В., Латова Н.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Петухов В.В., Петухов Р.В., Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е., Шереги Ф.Э. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. М., 2018. 55 с.

versity. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5, 176-183. (in Russian).

Bedrik, A.V. (2017). Ukrainian community of the South of Russia: problems of institutional and non-institutional reproduction. *Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' i ukreplenie edinstva mnogonatsional'nogo naroda Rossiyskoy Federatsii*: Elektronnyy sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' i ukreplenie edinstva mnogonatsional'nogo naroda Rossiyskoy Federatsii» (May 14–19, 2017, Veshenskaya, Rostov region). In Yu.G. Volkov (Ed.); sost. V.O. Vagina, V.P. Voytenko, Yu.S. Panfilova. Rostov-on-Don.

Volkov, Yu.Yu. (2015). Social subjectivity of financiers in Russian society: structural, institutional and value measurement. In G.G. Sillaste (Ed.). Moscow: RUSAINS. (in Russian).

Volkov, Yu.Yu., Lugovaya, E.S. (2015). Social agency of Russian financiers. In I.A. Gus'kov (Ed.). Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. (in Russian).

Volkov Yu.G., Lubsky A.V. (2018). Sociology as a way of self-knowledge of society. *Sociological research*, 7, 3–12 (in Russian).

Volkov Yu.G., Lubsky A.V. (2018). Russian reality in the sociological discourse space: monograph. In 2 books. Prince 1 Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University (in Russian).

Gerasimov, G.I. (2014). Educational landscape of the cognitive developmental paradigm. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 12, 161-167. (in Russian).

Gorshkov, M.K. (2018). The realities of post-reform Russia: a quarter of a century of social transformations in the sociological dimension. *Rossiia reformiruyushchayasya*, 16, 6-33. (in Russian).

Gorshkov, M.K., Anikin, V.A., Drobizheva, L.M., Kolennikova, N.D., Latov, Yu.V., Latova, N.V., Lezhnina, Yu.P., Mareeva, S.V., Petukhov, V.V., Petukhov, R.V., Slobodenyuk, E.D., Tikhonova, N.E., Sheregi, F.E. (2018). Russian society after the presidential election – 2018: a request for change. М.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Каравай А.В., Латов Ю.В., Латова Н.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя : информ.-аналит. резюме научного издания. М., 2018. 44 с.

Данилова Е.Н. Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России: социология, этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 36–61.

Дятлов А.В., Панфилова Ю.С., Пшегусова Г.С., Герасимов Г.И. Межэтнические отношения в полиэтничном регионе: особенности восприятия населением (на материалах Юга России) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 170–179.

Иванкина Л.И. Интеллектуальная зрелость личности как фактор реализации социальной субъектности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 14–17.

Имгрунт И.И. Политическая элита как актор модернизации российского общества: субъектные характеристики и эффективность социальных практик. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. 258 с.

Клименко Л.В., Мосиенко О.С., Нор-Аревян О.А., Посухова О.Ю. Профессиональная идентичность представителей социально ориентированных профессий в условиях прекариатизации российского общества. Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 2018.

Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 251 с.

Лежнина Ю.П. Социально-экономический кризис на пространстве России: проблемы населения и «очаги беспокойства» // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 54–65.

Лубский А.В. Субъектность властной элиты и проблемы высшего образования в России // Элиты и будущее России: взгляд из

Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., Anikin, V.A., Karavay, A.V., Latov, Yu.V., Latova, N.V., Lezhnina, Yu.P., Mareeva, S.V. (2018). Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later. Informational and analytical summary of a scientific publication. M. (in Russian).

Danilova, E.N. (2018). Transformations of social policy and social justice discourse in Russia. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, 27 (2), 36–61. (in Russian).

Dyatlov, A.V., Panfilova, Yu.S., Pshegusova, G.S., Gerasimov, G.I. (2017). Inter-ethnic relations in a polyethnic region: features of public perception (based on materials from the South of Russia). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1 : Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 4 (209), 170–179. (in Russian).

Ivankina, L.I. (2014). Intellectual maturity of the individual as a factor in the realization of social agency. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4, 14–17. (in Russian).

Imgrunt, I.I. (2013). Political elite as an actor of modernization of the Russian society: subject characteristics and the effectiveness of social practices. Rostov-on-Don: SKNTs VShYuFU. (in Russian).

Klimenko L.V., Mosienko O.S., Nor-Arevyayn O.A., Posukhova O.Y. (2018). Professional identity of representatives of socially oriented professions in conditions of precarization of Russian society. Rostov-on-Don: LTD «Fond nauki i obrazovaniya».

Constructing an All-Russian Identity in the Context of Interethnic and Inter-Religious Interaction (2016): Monograph / Ed. ed. Volkov Yu.G. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation (in Russian).

Lezhnina, Yu.P. (2016). Socio-economic crisis in the space of Russia: problems of the population and “hotbeds of anxiety”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10 (390), 54–65. (in Russian).

Lubsky A.V. (2007). The subjectivity of the power elite and the problems of higher education in Russia. *Elites and the future of Russia: a view from the regions. Iss. 2. Collection of ma-*

регионов. Вып. 2. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. С. 180–186. С. 180–186.

Лубский А.В., Посухова О.Ю. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. № 8. С. 39–47.

Лубский А.В. Методология региональных исследований. М.: ИНФРА-М, 2019.

Мальшева Г.А. Неравенство и социальная политика в России // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 4: Неравенство в современном обществе. Политические и социальные аспекты: сб. ст. / отв. ред. О.М. Михайленок, В.В. Люблинский. М.: ИС РАН, 2015. С. 122–138.

Мастикова Н.С. Факторы влияния на индекс межэтнической напряженности в России // Современные исследовательские практики в социологии: сб. материалов конф. молодых ученых (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / под общ. ред. В.В. Семеновой. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 101–112.

Неменский О.Б. Постсоветский кризис русской идентичности // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики): материалы науч.-эксперт. сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. / Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2016. С. 151–157.

Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 25–48.

Посухова О.Ю. Эксклюзивность каналов социальной мобильности в условиях неравенства в российском обществе // Общество и социология в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13–15 ноября 2014 года: в 3 т. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. Т. 2. С. 97–103.

Руденкин Д.В. Линейность процесса социализации как предмет методологических дискуссий социологии молодежи // Фун-

amentals of the international scientific-practical conference. Rostov-on-Don: Publishing house SKAGS (in Russian).

Lubsky A.V., Posukhova O.Yu. (2016). Projects of national construction and models of national integration in Russia. *Power*, 8, 39–47 (in Russian).

Lubsky A.V. (2019). Methodology of regional studies. M.: INFRA-M (in Russian).

Malysheva, G.A. (2015). Inequality and Social Policy in Russia. *Soglasie v obshchestve kak uslovie razvitiya Rossii*. 4. Neravenstvo v sovremennom obshchestve. Politicheskie i sotsial'nye aspekty. In O.M. Mikhailenok, V.V. Lublinsky (Eds.). Moscow: IS RAN. (in Russian).

Mastikova, N.S. (2017). Factors of influence on the index of interethnic tension in Russia. *Sovremennye issledovatel'skie praktiki v sotsiologii*. Proceedings of Conference (Moscow, April 19-20, 2017). In V.V. Semenovaya (Ed.). Moscow: FNISTS RAN. (in Russian).

Nemenskiy, O.B. (2016). The post-Soviet crisis of Russian identity. *Problema formirovaniya grazhdanina Rossii cherez instrumentariy identichnosti (kul'turnaya, obrazovatel'naya, vospitatel'naya, propagandistskaya, informatsionnaya gosudarstvennye politiki)*. Proceedings. Moskva, 17 noyabrya 2015 g. Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii. Moscow: Nauka i politika. (in Russian).

Petukhov, V.V., Petukhov, R.V. (2015). Participation Democracy: Institutional Crisis and New Perspectives. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 25-48. (in Russian).

Posukhova, O.Yu. (2015). Exclusive channels of social mobility in the face of inequality in Russian society. *Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoy Rossii, posvyashchennoy XX godovshchine prazdnovaniya Dnya sotsiologa v Rossiyskoy Federatsii*, g. Vologda, 13–15 noyabrya 2014 goda: In 3 vols. Vologda: ISERT RAN, vol. 2. (in Russian).

Rudenkin, D.V. (2017). The linearity of the process of socialization as a subject of methodological discussions of the sociology of youth. *Fundamental'nye nauchnye issledo-*

даментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. (30 октября 2017 г.). Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017. Т. II. С. 70–74.

Смирнова А.Н. Социальная субъектность и девиантное поведение подростков // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 117–122.

Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.

Banks J., Carr C.T. Toward a Relational Matrix Model of Avatar-Mediated Interactions // *Psychology of Popular Media Culture*. 2018. DOI: 10.1037/ppm0000180.

Creed W.E.D., DeJordy R., Lok J. Myths to work by: Redemptive self-narratives and generative agency for organizational change // *Research in the Sociology of Organizations*. 2014. Vol. 41. P. 111–156.

Enfield N.J., Sidnell J. Language structure and social agency: Confirming polar questions in conversation // *Linguistics Vanguard*. 2015. Vol 1, № 1. DOI: 10.1515/lingvan-2014-1008.

Eteläpelto A., Vähäsantanen K., Hökkä P., Paloniemi S. What is agency? Conceptualizing professional agency at work // *Educational Research Review*. 2013. Vol. 10. P. 45–65.

Jokinen E. Precarious everyday agency // *European Journal of Cultural Studies*. 2015. Vol. 19(1). P. 85–99.

Luhmann N. Einfache Sozialsysteme // *Zeitschrift für Soziologie*. 1972. Jg. 1, H. 1. S. 51–65.

Raelin J.A. Imagine there are no leaders: Reframing leadership as collaborative agency // *Leadership*. 2014. Vol. 12, № 2. P. 131–158.

Rossi G., Zinken J. Grammar and social agency: The pragmatics of impersonal deontic statements // *Language*. 2016. Vol. 92, № 4. P. e296–e325.

Schirmer W., Weidenstedt L., Reich W. Respect and agency: An empirical exploration // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61, № 1. P. 57–75.

Treitler V.B. Social Agency and White Supremacy in Immigration Studies // *Sociology of Race and Ethnicity*. 2015. № 1 (1). P. 153–165.

vaniya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: Proceedings of Conference (30 oktyabrya 2017 g.). Kemerovo: ZapSibNTs, II. (in Russian).

Smirnova, A.N. (2017). Social Agency and Deviant Behavior of Adolescents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6 (398), 117–122. (in Russian).

Toshchenko, Zh.T., Chaptykova, T.I. (1996). Diaspora as an Object of Sociological Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12, 33–42. (in Russian).

Banks, J., Carr, C.T. (2018). Toward a Relational Matrix Model of Avatar-Mediated Interactions. *Psychology of Popular Media Culture*.

Creed, W.E.D., DeJordy, R., Lok, J. (2014). Myths to work by: Redemptive self-narratives and generative agency for organizational change. *Research in the Sociology of Organizations*, 41, 111–156.

Enfield, N.J., Sidnell, J. (2015). Language structure and social agency: Confirming polar questions in conversation. *Linguistics Vanguard*, 1(1).

Eteläpelto, A., Vähäsantanen, K., Hökkä, P., Paloniemi, S. (2013). What is agency? Conceptualizing professional agency at work. *Educational Research Review*, 10, 45–65.

Jokinen, E. (2015). Precarious everyday agency. *European Journal of Cultural Studies*, 19 (1), 85–99.

Luhmann, N. (1972). Einfache Sozialsysteme. *Zeitschrift für Soziologie*, 1(1), 51–65.

Raelin, J.A. (2014). Imagine there are no leaders: Reframing leadership as collaborative agency. *Leadership*, 12 (2), 131–158.

Rossi, G., Zinken, J. (2016). Grammar and social agency: The pragmatics of impersonal deontic statements. *Language*, 92 (4), 296–325.

Schirmer, W., Weidenstedt, L., Reich, W. (2013). Respect and agency: An empirical exploration. *Current Sociology*, 61 (1), 57–75.

Treitler, V.B. (2015). Social Agency and White Supremacy in Immigration Studies. *Sociology of Race and Ethnicity*, 1 (1), 153–165.

Поступила в редакцию

21 декабря 2018 г.